

Н.С. Тихонравов

**Сочинения Н.С.
Тихонравова.**

Том 3. Часть 1.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.С. Тихонравов**
Сочинения Н.С.Тихонравова.: Том 3. Часть 1. / Н.С. Тихонравов – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 704 с.

ISBN 978-5-458-02305-4

Русская литература XVIII и XIX вв

ISBN 978-5-458-02305-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„О литературной дѣятельности Ломоносова“ открываетъ собою текстъ третьяго тома, а три другія статьи о Ломоносовѣ— „О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова“ („Московскія Вѣдомости“, 1853 г.), „Для біографіи Ломоносова“ („Москвитянинъ“, 1853 г.) и „Возраженія на замѣчанія г. Галахова“. („Отечественныя Записки“, 1854 г.) отнесены въ приложенія. Въ виду значительнаго объема третьяго тома, приложенія и дополненія для удобства печатаются отдѣльно и составляютъ 2-ю часть этого тома.

Въ эту вторую часть войдутъ слѣдующія статьи: три названныя статьи о Ломоносовѣ, предисловія къ напечатаннымъ матеріаламъ о Кантемирѣ, Сумароковѣ и пр., рецензія на Смирдинское изданіе соч. Фонъ-Визина, на „Матеріалы для исторіи русской литературы“ П. А. Ефремова, замѣтки о рѣдкой книгѣ, замѣтки по поводу изданій Пушкина, Дельвига, статья о біографіи Гоголя, рецензія на книгу Сушкова о благородномъ пансіонѣ, статьи о Шевыревѣ, Григоровичѣ, Пироговѣ; изъ рукописей будутъ напечатаны: двѣ статьи о Гнѣдичѣ, рѣчь 1837 г. „Пушкинъ и Гоголь“ и нѣкоторыя другія. Тутъ же будутъ помѣщены первая печатная статья Тихонравова „Кай Валерій Катуллъ и его произведенія“ и выше уже названныя двѣ студенческія его диссертациі, „О заимствованіяхъ русскихъ писателей“ и „Обзоръ переводовъ Гомера“.

Во 2-й части третьяго тома будутъ также напечатаны статьи Тихонравова о Шекспирѣ и о Данте.

Подстрочныя примѣчанія статей Тихонравова перенесены въ конецъ книги, съ общою нумераціею для всѣхъ ссылокъ всякой статьи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ примѣчаніямъ Тихонравова приходилось прибавлять еще дополнительные и пояснительныя примѣчанія,—главнымъ образомъ объ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ послѣ написанія той или другой статьи Тихонравова,—эти добавленія помѣщены подъ тою же общою нумераціею ссылокъ, но они всегда заключены въ прямыя скобки— []. Въ началѣ примѣчаній къ каждой статьѣ даны краткія бібліографическія указанія.

В. Якушкинъ.

10 декабря 1897 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	<i>Текстъ</i>	<i>Прим.</i>
О литературной дѣятельности Ломоносова.	1	1
Къ исторіи Московскаго университета:		
I. Профессоръ Ѳ. Г. Ваузе.	11	2
II. Профессоръ I. Ѳ. Буле.	29	4
III. Профессоръ I. М. Шаденъ.	44	5
IV. Профессоръ И. Г. Шварцъ.	60	7
Исторія изданія „Опыта о человѣкѣ“ въ переводѣ По- повскаго.	82	10
Д. И. Фонъ-Визинъ.	90	13
Н. И. Новиковъ.	130	20
В. Г. Рубанъ.	163	24
Е. И. Костровъ.	182	26
Литературныя мелочи неурожайнаго года	195	28
Былины по рукописямъ XVIII вѣка	216	33
„Мелочи изъ запаса моей памяти“ Мих. Дмитріева	234	39
Четыре года изъ жизни Карамзина	258	44
Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ.	276	45
Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812-мъ году . .	305	51
В. А. Жуковский.	330	58
А. С. Пушкинъ.	504	84
М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь.	530	86
Первое представленіе „Ревизора“ на Московской сценѣ . .	580	90
И. С. Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ	585	94

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА.

Съ именемъ Ломоносова приговоръ нашихъ предковъ, голось исторіи, соединилъ названіе „отца“ нашей новой литературы,

Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.

До-петровская литература, замкнутая въ сферѣ религіозной и сжатая господствомъ церковнаго авторитета, признавала своимъ языкомъ церковно-славянскій, а не русскій. Россіи новой, сбросившей съ себя иго средневѣковаго авторитета и смѣло вступившей въ общеніе съ общечеловѣческими началами европейской образованности, нуженъ былъ иной литературный языкъ,— языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій роднаго слова. Освобожденіе русскаго народа къ новой, независимой духовной жизни вызывало созданіе русскаго литературнаго языка. Эту великую историческую задачу исполнилъ Ломоносовъ.

Русская литература въ первой четверти XVIII вѣка представляла оригинальную смѣсь средневѣковыхъ началъ съ новыми. Западно-русскіе и южно-русскіе ученые принесли ко двору московскихъ государей образцы придворной лирики, господствовавшей въ польской литературѣ, которая измельчала въ XVII вѣкѣ подъ перомъ послѣдователей Кохановскаго. Изъ Польши же перешли къ московскому двору средневѣковыя мистеріи и рыцарскіе романы, на европейскомъ Западѣ давно уже вымершіе или спустившіеся въ кругъ престолярнаго

чтенія. Время Петра Великаго не внесло много новаго въ русскую литературу; латино-польское направленіе XVII столѣтія продолжалось въ ней. Интересы изящной литературы, интересы поэзіи отгѣснены были въ эпоху Петра Великаго на задній планъ; первое мѣсто отдано литературѣ учебной, педагогической, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Петръ—средоточіе и глава ученой и учебной литературы: всѣ книги, изданныя при немъ, переведены или сочинены „по царскаго Величества указу“. Въ этой литературѣ господствуетъ полный эклектизмъ: Петръ приказывалъ переводить книги съ голландскаго, съ итальянскаго, нѣмецкаго и латинскаго. Бироновщина и все тяжелое десятилѣтіе, послѣдовавшее за смертію Екатерины I, такъ мало связанное съ истинными интересами русскаго народа и государства, подавили собою развитіе русской литературы: для придворнаго развлеченія призвана была итальянская опера, произведенія которой перелагались часто въ неуклюжую русскую прозу. Лучшимъ представителемъ этого антилитературнаго и антинаціональнаго времени былъ Тредьяковскій, который боялся даже писать похвальныя оды съ мифологическими именами и долженъ былъ доказывать читателю, „что христіанамъ нѣтъ въ нихъ никакого повода къ соблазну“, и увѣрять, что слово *Кутидонъ*, употребленное имъ въ одной элегіи, „не долженствуетъ къ соблазну дать причины жестокаго добродѣтели христіанину: понеже оно тутъ не за поганскаго Венерина выдуманнаго сына приѣмлется, но за пристрастіе сердечное, которое въ законной любви и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигдѣ еще не заслужило“.

Разрозненные элементы различныхъ литературъ и различныхъ эпохъ носили на себѣ печать своего неодинаковаго и несроднаго русскому обществу происхожденія. Чуждое стихосложеніе силлабическое, роднившее схоластическія вирши Симеона Полоцкаго и его послѣдователей съ сатирами Кантемира и похвальною одой Тредьяковскаго, дико звучало для русскаго уха. Въ похвальныхъ одахъ Полоцкаго стихъ церковно-славянскій чередовался съ стихомъ польскимъ, и языкъ православнаго богослуженія вступалъ въ насильственный союзъ съ языкомъ католической страны. Въ русской литературѣ перваго со-

рокалѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы, „дикія нелѣпости слѣва“, по выраженію Ломоносова; русская литература этого времени не говорила еще русскимъ языкомъ. Эта литературная разногласица наконецъ улеглась; новое направление въ русской словесности получило единство, крѣпость и ввело Россію въ ближайшія сознательныя отношенія къ просвѣщенію и жизни Европы, благодаря дѣятельности Ломоносова; онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, которую государство получило отъ Петра Великаго.

Новая русская литература, какъ и новая западно-европейская, началась теоріей, правилами. „Понеже наше стихотворство (говорилъ Ломоносовъ) только лишь начинается, того ради, чтобъ ничего неудобнаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать“. Основныя черты литературной теоріи Ломоносова не принадлежатъ Россіи: вступающая въ періодъ новаго литературнаго развитія, послѣдняя порывала свои связи съ средними вѣками тѣмъ же путемъ, какъ и литературы западно-европейскія,—путемъ подражанія классической древности. Въ то время, какъ Ломоносовъ слушалъ у Вольфа математику и физику, въ Германіи безусловно господствовала теорія Готтшеда, противъ которой еще не начинали полемики швейцарцы—Бодмеръ и Брейтингеръ. Подобно Ломоносову, воспитанный философіею Вольфа съ ея строго-послѣдовательною математическою методою, Готтшедъ рано сроднился съ стихотворствомъ Каница и Бессера, которые осуществили въ своихъ произведеніяхъ ложноклассическую теорію Буало, и одинъ изъ первыхъ заговорилъ въ Германіи о необходимости теоріи поэзіи и краснорѣчія. Чтобы указать способъ „очистить и создать языкъ для прозы и особенно поэзіи“, Готтшедъ издалъ „Подробную риторикъ“ (Ausführliche Redekunst). Въ ней онъ формулировалъ въ систему главныя положенія ложноклассической піитики въ томъ видѣ, какъ вырабатывалась она съ эпохи возрожденія. Провозвѣстникъ ложнаго классицизма Дю-Белле, выступивъ на „защиту французскаго языка“, доказывалъ, что этотъ языкъ пользуется незаслуженнымъ презрѣніемъ, сравнительно съ языками классическими: „онъ нуждается только въ обработкѣ и украшеніи“; путь къ тому—подражаніе древнимъ

греческимъ и римскимъ образцамъ: „заимствованіе есть источникъ краснорѣчія“. Готтшедъ ставитъ нѣмецкой литературѣ для подражанія тѣ же образцы, прибавляя къ нимъ и произведенія французскаго псевдоклассицизма. Нѣмецкіе поэты, подражавшіе этимъ произведеніямъ, являются идеалами Готтшета. „Золотаго вѣка нашей поэзіи,—говоритъ онъ,—мы должны искать въ тѣхъ временахъ, когда жили и писали Бессеръ, Каницъ, Нейкирхъ и Гюнтеръ“.

Вотъ въ какую сторону обращалъ силы Ломоносова, воспитаннаго схоластическою риторикою Спасскихъ школъ, глава господствовавшей въ Германіи теоріи искусства. Ломоносовъ принялся за изученіе Гюнтера, и нѣкоторыя строфы и приемы послѣдняго повторились въ первой торжественной одѣ Ломоносова, написанной за границею. Первая часть Ломоносовской риторики, „показующая общія правила *обою краснорѣчія*, то есть, ораторіи и поэзіи“, перенесла теорію Готтшета на русскую почву; не только существенныя положенія Готтшета строго удержаны Ломоносовымъ, въ ней переведены буквально цѣлыя отрывки изъ теоріи краснорѣчія Готтшета. „Къ приобрѣтенію краснорѣчія, говорилъ Ломоносовъ, требуется изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ“. Этихъ знатныхъ авторовъ давала Ломоносову

Древность, славная пречудными дѣлами.

Онъ въ „Петриадѣ“ „шелъ во слѣдъ Виргилію и Гомеру“. „Правила поэзіи (училъ Готтшедъ) извлекаются изъ разума и природы. Образцы и правила древнихъ обязательны не потому, что они коренятся въ древности, но потому, что они имѣютъ прочную и необходимую основу въ природѣ вещей“. Ломоносовъ, какъ и Готтшедъ, такъ же признаетъ въ древности эту вѣрность истинѣ и природѣ.

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура—мать;
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Но древность представлялась и Готтшеду, и Ломоносову въ томъ же видѣ, какъ и французскому псевдоклассицизму.

Послѣдній былъ идеаломъ Ломоносова, который жалѣлъ, что дѣло Петра Великаго не продолжалось при его преемникахъ до императрицы Елизаветы; иначе

Давно бѣ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Въ Гомерѣ и Овидіи Ломоносовъ видѣлъ „высокопарныя мысли, похвальные во всѣ вѣка и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя“¹. Пиндаръ и Малербъ служили литературными образцами торжественной одѣ Ломоносова, условливая собою ея внѣшность, ея форму. „Поэзія, по теоріи Готтшеда, должна имѣть цѣлью правоученіе: она обогащаетъ насъ знаніями и нравственными сентенціями“. Объ одной вещи (утверждаетъ Ломоносовъ) можно писать и прозой, и стихами. „Ежели кто имѣетъ большее познаніе настоящихъ и предшедшихъ вещей, то есть, чѣмъ искуснѣе въ наукахъ, у того большее есть изобиліе матеріи къ краснорѣчію“. Поэзія Ломоносова и въ содержаніи, и въ формѣ носить ученый характеръ. Онъ „сходилъ съ Парнасскихъ горъ“ и на-время „прилагалъ весь свой трудъ“ къ стеклу,

которое о истинѣ увѣрить насъ,
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ.

Результаты своихъ химическихъ и физическихъ опытовъ онъ въ свою очередь возносилъ на Парнасскія горы, воспѣвая свойства стекла или явленія электричества. Парнассъ отождествлялся для Ломоносова съ университетомъ, поэзія съ наукой.

О коль красно цвѣтеть Парнассъ въ твоей тѣни,

писалъ онъ И. И. Шувалову.

Для Ломоносова не было болѣе благодарнаго поэтического содержанія, чѣмъ эти медленные успѣхи просвѣщенія въ Россіи, къ которымъ онъ такъ страстно и напряженно приглядывался. Его ода всегда настроена на важный, торжественный ладъ:

Мнѣ струны по неволѣ
Звучать геройскій шумъ...
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишень.
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищень.

Легкія стихотворенія, идилліи, элегіи и эротическія эклоги Сумарокова, быть можетъ, заслоняли иногда въ современной ему читающей публикѣ важное, ученое стихотворство Ломоносова. Сумароковъ съ своими послѣдователями укорялъ его въ высокопарности; но Ломоносовъ вѣренъ былъ и своей литературной теоріи, и своимъ жизненнымъ идеаламъ; наука стояла для него выше беллетристики. Героями, восхищавшими Ломоносова, были не бурные дѣятели войны и разрушенія, но тихіе проводники зяждительныхъ началъ мира и просвѣщенія. Герои войны сами

Не радостію чтуть кровопролитны бои,
И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
Покрытый трупами всегда прискорбень слѣдъ.

Войну Ломоносовъ признаетъ законною потому только, что она

Науки съ вольностію отъ звѣрства защищаетъ.

„Миръ—питатель наукъ“. Задушевное желаніе ученаго поэта:

Да всѣхъ глубокой миръ питаетъ,
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ сель.

Картины мирнаго народнаго труда, довольства и просвѣщенія часто проходятъ въ одахъ Ломоносова, окрашенныя теплымъ колоритомъ искренняго чувства. „Кроткій миръ одинъ даетъ богатства свѣту“.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!

Герои просвѣщенія и дѣла мира сильны „не случайною удачей“, какъ воины, но „мудростію и образованіемъ“:

Хотя счастливыя военныя дѣла—
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.

Мирными героями Ломоносова были Петръ и Елизавета, „давшая счастливый вѣкъ русскимъ музамъ“. Одѣтая въ чуж-

дья и условныя формы ложноклассической лирики, похвала Ломоносова Петру и Елизаветѣ была искренняя и неподкупная. По его собственнымъ словамъ, „слогъ его сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ“. Съ полнымъ убѣжденіемъ могъ онъ вложить въ уста чуждымъ поэтамъ такія слова:

На что бы вымышлять намъ ложно
 Безъ вещи имена однѣ,
 Когда бы было намъ возможно
 Рожденнымъ въ русской быть странѣ
 Въ сіе благословенно время?

Идеалы жизни и поэзіи Ломоносова сосредоточивались въ русской землѣ, на русскомъ народѣ. Отдаваясь подражательному направленію, Ломоносовъ всегда помнилъ Россію, „свою возлюбленную мать“. Онъ указывалъ искусству родное, русское содержаніе. Обращаясь къ живописцу-художнику, онъ говорилъ:

Изобрази Россію мнѣ!
 Изобрази ей возрастъ зрѣлой
 И видъ въ довольствіи веселой,
 Отрады ясность по челу
 И вознесенную главу!

Этотъ изящно-величавый образъ русской земли, которая „съ вознесенною главою“ даетъ законы міру, образъ, сдѣлавшійся художественнымъ идеаломъ Ломоносова, осуществится въ тѣ „благословенные дни“, когда общечеловѣческое просвѣщеніе проникнетъ въ нѣдра русскаго народа.

О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество отъ нѣдръ своихъ
 И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!...
 О ваши дни благословенны!

Ода Ломоносова привѣтствовала и выражала собою время, когда новая русская литература вступала въ періодъ свободнаго развитія общечеловѣческихъ началъ просвѣщенія, не стѣсняясь средневѣковыми авторитетами. „Декарту, говоритъ Ломоносовъ, мы особливо за то благодарны, что онъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ *правдѣ* спорить, и тѣмъ самымъ открыть до-

рогу къ вольному философствованію“. „Грубая ревность, скрывающаяся подъ покровомъ святости, не мало погубила знанія“. Но „образованность и свободный опытъ“ уже гонятъ

глубокую невѣдѣнія тьму.

Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ челоуѣкъ?

Это гордое сознаніе, наполняющее душу новаго русскаго челоуѣка, не могло выражаться въ тѣхъ узкихъ и нерусскихъ формахъ, которыми довольствовался въ Россіи XVII вѣкъ. Литературная реформа Ломоносова, въ существѣ своемъ глубоко проникнутая національными началами и вѣрная историческимъ преданіямъ русскаго народа, отбросила узкую для насъ форму силлабическаго стихосложенія и ввела въ литературныя права размѣръ, обусловленный элементами и исторіею русскаго языка и искони господствовавшей въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. Основными положеніями литературной теоріи Ломоносова были слѣдующія. „*Главнѣйшее* (говорилъ онъ) мнѣ кажется быть сіе: російскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему *весьма несвойственно*, изъ другихъ языковъ не вносить... *Второе*. Чѣмъ російскій языкъ изобиленъ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того не отнимать, но, какъ *собственное и природное*, употреблять надлежитъ“. Вѣрный „собственному и природному“, Ломоносовъ искалъ стихій литературнаго слога въ исторіи и въ жизни русскаго языка, а не въ мертвой полунепонятной смѣси церковно-славянскаго съ „дикими нелѣпостями“ иностранныхъ словъ. Онъ установилъ твердою рукою отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому въ литературной сферѣ, глубоко сознавая, что историческая жизнь и религіозныя начала неразрывно связали эти два нарѣчія великой славянской семьи. Полонизмамъ отрѣзанъ былъ доступъ въ русскую литературу, когда Ломоносовъ сказалъ слѣдующія поразительно вѣрныя слова: „Славяне, живущіе за Дунаемъ, хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, *для употребленія славянскихъ книгъ церковныхъ*, говорятъ языкомъ, россиянамъ довольно вразумительнымъ, который много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею